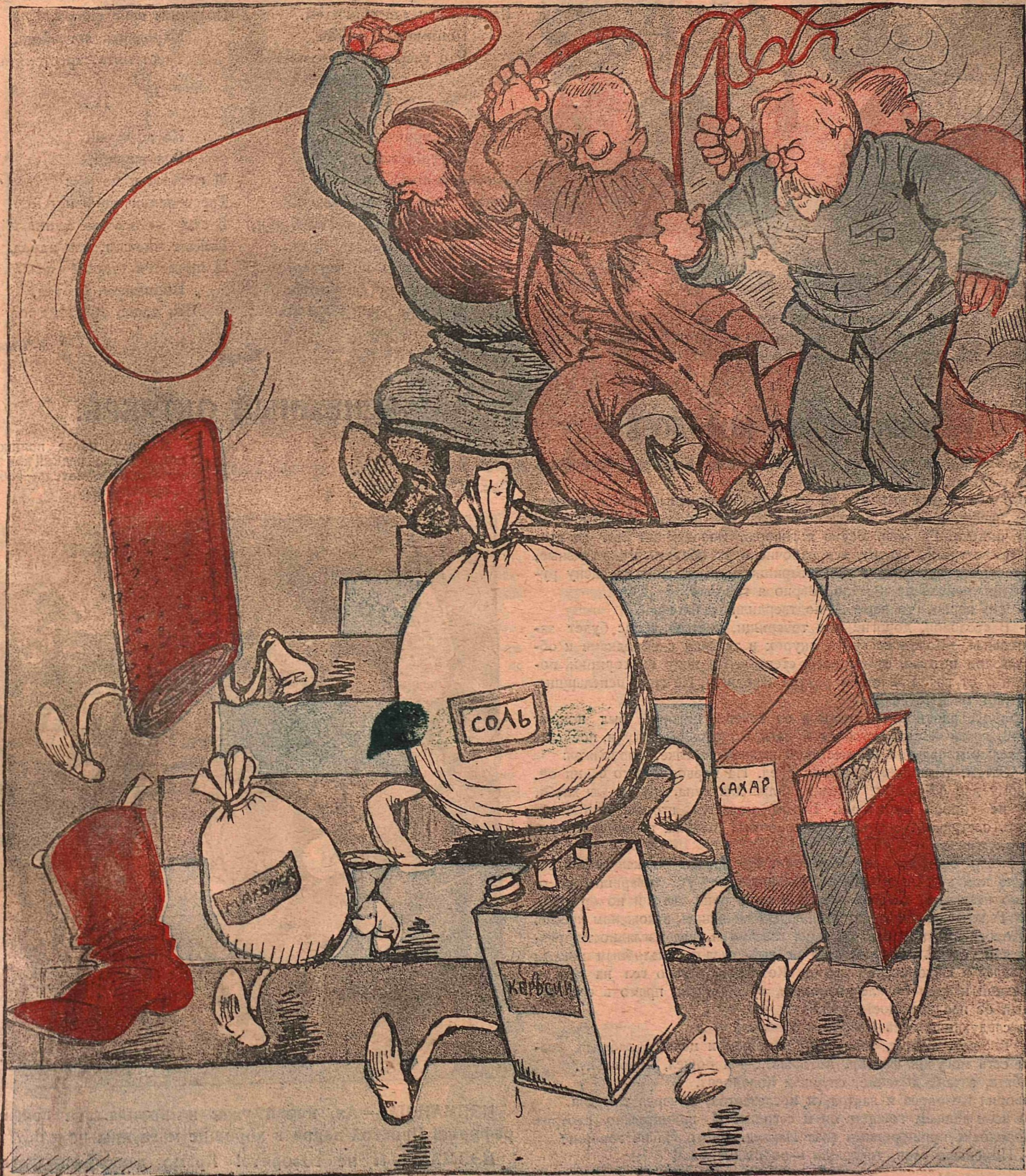

К Р О К О Д И Л

ЧЕМ ВЫШЕ ВЗЛЕТИШЬ, ТЕМ БОЛЬНЕЙ УПАДЕШЬ.

Рис. Б. Фимова.

Каменев со Смилагою,
Мальшев с бородой

Гонят нас не метлою,
А плетью бесстыжей

Все ниже и ниже —
К массам ближе:

Смыкайся с массами,
А не с купецкими классами.

ДВЕ МАТЕРИ.

Рис. Радлова.

Тов. РЫКОВ (обращаясь к матери с лицом Эберта):— Слышь тетка! Мой совет—передай своего ребенка здоровой рабочей кормилице, а не то не выживет он у тебя!..

Выпуск серебряной монеты в Германии утвержден, несмотря на самые невозможные для этого условия.

(Из газет).

ТРЕСТЕНЯТА.

(Нуплеты).

„Трестенята поедат все“. Из речи рабочего Турентьева на 2 Съезде Советов Союза ССР.

I.

В каждом тресте
Все на месте:
Есть директор, есть и зам,
Есть завзамы, помзавзамы,
Спецы, планы и программы
И иной ненужный хлам—
Наш сюжет для эпитаграм.
Понимаете, ребята,
Что такое трестенята?

II.

— Стройте, други,
Плуги!.. плуги!..
„Себестоимость — пятак.
Скалькулируем: спедставки,
Срочность, транспорт и надбавки,
Тару, броню, взносы, брак...
Прибыль — рубль на четвертак.“
Гонят цену фабриката
В три червонца трестенята.

III.

Шире двери.
— Что за звери?
Наш советский карнавал:
Молчаливо, без протеста,
Непосредственно из треста
Входят в зал, в судебный зал,
Получить себе финал,
Мародеры, ястребятя,
Трестенята, трестенята.

IV.

По живучий
Род паучий,
И случается не раз:
Трестененок порысистой,
В силу множества амнистий,
Выйдет чистым, как алмаз,
И начнется старый сказ...
Понимаете, ребята,
Что такое трестенята?

Чуж-Чуженин.

РАЗГОВОРЧИВЫЙ КОЗОДОЕВ.

В заводской столовой вокруг предзавкома Козодоева собралась кучка рабочих.

Козодоев жирно сплюнул на ухабистый, глиняный пол и сказал:

— Значит, в общем и целом, в столовой должна быть прежде всего чистота. Гигиена. Верно я говорю? Возражений нет? Во-вторых: после гудка, значит, все рабочие идут обедать. Руки грязные, лица потные. Тут-то, дорогие товарищи, и выступают на сцену рукомойник, полотенце и мыло. Верно я говорю?

— Что верно, то верно,—подтвердили ребята.

— В столовой, дорогие мои товарищи, чистота у нас будет замечательная.—Козодоев сунул окурок в тарелку с объедками и обвел глазами потные, от сырости, стены.—На полу ни соринки, потому что от грязи микробы разные заводятся. На столе пепельницы. По углам плевательницы.

Козодоев вдохновенно оторвал от газеты, которой был покрыт краевой, грязный стол, кусочек бумаги, скрутил цыгарку и, постукав указательным пальцем по жестяной ржавой тарелке, продолжал:

— Затем, товарищи, подается обед. На первое суп со свиной. Каждому две фаянсовые тарелки. Одна для супа, другая для хлеба, чтоб не сорили крошками. Потом подается второе: котлеты... То-есть осетрина... Эх, что там говорить! Индейка подается с каштанами...

Но это еще не все, товарищи. Пообедали—пожалуйте в соседнюю комнату. А там, глядь, библиотека. Тут, товарищи, хогоненько наевшись, кажлый может взять в руки свежий номер „Рабочей Газеты“ и предаться чтению, развалившись в кожаном кресле.

Козодоев вдохновенно сверкнул глазами и, для наглядности, развалился на стуле. Дряхлый стул не выдержал и с жалобным писком развалился в свою очередь тоже. Козодоев грузно сел на пол и жиденький кандер полился из опрокинутой миски прямо в его открытый от неожиданности рот.

На следующий день Козодоев говорил:

— Так вот, значит, товарищи, в общем и целом, рабочая столовая есть могучий фактор, который...—И пошел, и пошел...

Ребята, затаив дыхание, слушали Козодоева.

Говорил Козодоев и завтра, и послезавтра, и через три дня.

По всем данным говорит он и сегодня. И внимательно смотрит на Козодоева прищуренный глаз Ильича. Будто Ильич говорит:

— Поменьше слов, товарищи,—побольше дела!

Шило в мешке.

ДЕНЕЖНЫЙ ОКТЯБРЬ.

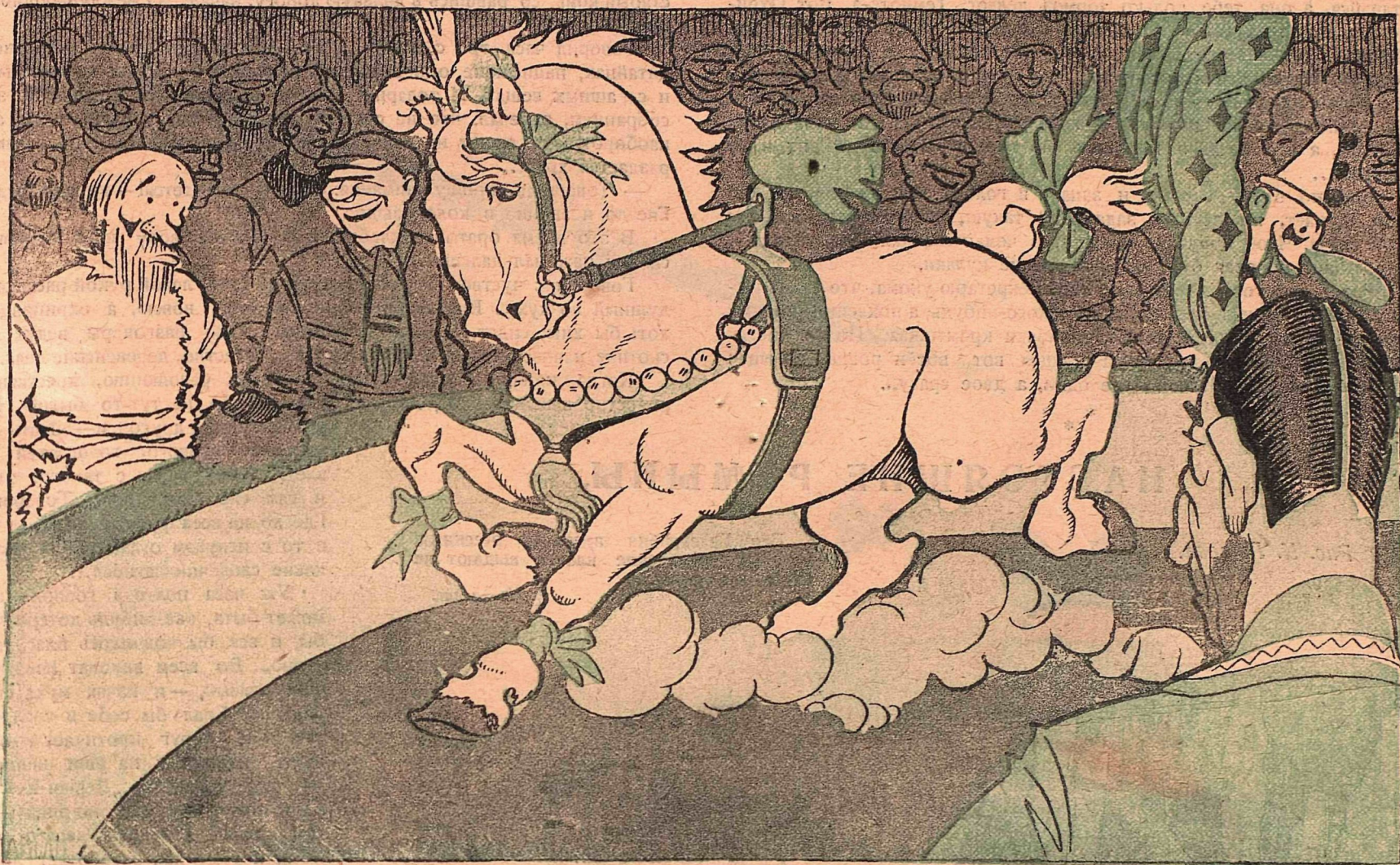
В Гум'е после понижения цен появился редкий для этого магазина покупатель—рабочий и крестьянин.

Рис. Михайлова.

НЭПМАНША:— Ах, какой ужас натворила эта денежная реформа! Простой народ в хорошие магазины полез!

НЭПМАН:— И не говорите! Прямо денежный Октябрь пришел!..

МУЖИЧЕК:—Что же зря-то куражиться? Хучь-бы ей плужок какой прилепили—все больше пользы!..

КУПЭ.

(Рассказ пассажира).

Вышел в путь-дорогу дальнюю наш поезд прямого сообщения. Впереди паровоз—весь медью да маслом отливает, огненной топкой дышит, дымом снежные просторы туманит.

За паровозом в затылок—десять вагонов тормозных, двойных, буферных, светлокрашенных, колесами за паровозом вдогонку смеются. И в вагонах—плацкарта на плацкарте. Купэ и еще купэ и опять купэ. Сидения везде мягкие, лежанки—пух, пассажиры рыхлые, мягкие, деликатные.

— Ах, виноват! Да ах, простите, да ах, пардон, а между прочим этот вагон для которых не курящих и посему, во избежание штрафования, извольте вам немножко выкуриться снаружи!

Поднялся тут в ответ на эти женские слова Иван Шматков, пассажир, простой человек пролетарской диктатуры, и возразил он в сердцах говорящей пассажирской даме, каковая из буржуазности происхождения:

— Зря, гражданка, закуражились! Ай забыли уже осьмнадцатого года путь длительный в теплушке вшивой и, при том, холодной? Скоро забываете!

На что от дамы без разговору был ответ:

— Вы нахал! А через оскорбительности ваши сразу может получиться ваше же оштрафование!

И на это пролетариат Иван Шматков заметил.

— Чхать на штраф! Надо—заплатим! Но только скоровременно вы, гражданка, все позабыли. А, между прочим, считаю я вам своею нравственностью и долгом напомнить, как вот из ваших-то сестер купы в уборных занимали и на чистый воздух из разбитого стекла дышали!

— Вы не выражайтесь!

— Чего мне выражаться? И за такую купу спасибо бывало скажете. И как еще влезали. В дверь—куды там—и не проткнешься. Спасибо—в окошко лягушкой подсалят. Тихие вы тогда были. Куды там, делкатные. Товарищ,

да товарищ! А может „товарищ“ с вами и разговаривать не желал, может товарищу душу воротила ваша буржуазность и прочий вид внешности... Может...

Тут дама пассажирская, крепко озлившись, кликнула этого самого проводника. А Ивам Шматков, еще того пуще нахмурившись, знай пошел и пошел:

— Проводник? А в теплушках-то без проводника ездили? А на крышах то, а на нарах...

Пришел чумазка, проводник то-есть, оглядается:

— Здесь, что ли, звали меня?

— Здесь-издесь закричала та самая мадама,—вот этот человек в некурящем купэ курит и в оскорбительном смысле на меня в глазах выражается!

— Штраф и только!—Что проводнику? Что ему делается, вынул он книжечку:—„Штраф двойной извольте уплатить без сомнения... Это вам не Максимка, а беспересадочного сообщения скорое движение!“

Что-ж делать—правила. Не восемнадцатый год... Заплатил штраф пассажир Иван Шматков дензнаками по курсу, квитанцию спрятал „на память“, помолчал, мигнул правым глазом и, представь ты себе, улыбается:

— Прямое, говорите, сообщение? Так-с! Беспересадочное? Так-с! Ну, только не-ет! Шалишь, братец, будет еще этим пассажирам пересадка... Из купы пересадка на крышу... Да, брат Гаврилка! Будет!

— За Гаврилку—штраф!—махнул проводник книжечкой (такая уж у него книжка—все слова и действия предусмотрены).

А Шматкову—хоть ты что:

— Все уж равно, получай!—За отвод души—до пересадки как-нибудь дотя-я-нем!

И замолчал.

И в окошко уставился, где в полях необятных столбы телеграфные без толку распрыгались.

Л. Митницкий.

Биржевое воронье.

ДЕРЕВНЯ.

Деревня—она и есть деревня. Сколько для ее же пользы ни старайся, а она тебе только тормоз делает. Темнота-а. Вот Охрипска: двух-трех людей с понятиями наберешь и обчелся. Товарищ Гнездо—гредсельсовета и еще двое ребят орудуют, а остальные так, серость. На собрания никак не скличешь, а если уж и соберутся, все равно ни слова—молчат, что трава. Конечно, если заговоришь об отчислениях на школу или выпуску газет, тут уж волю дадут глоткам, а что касемо мирового положения—это будто их и не касается...

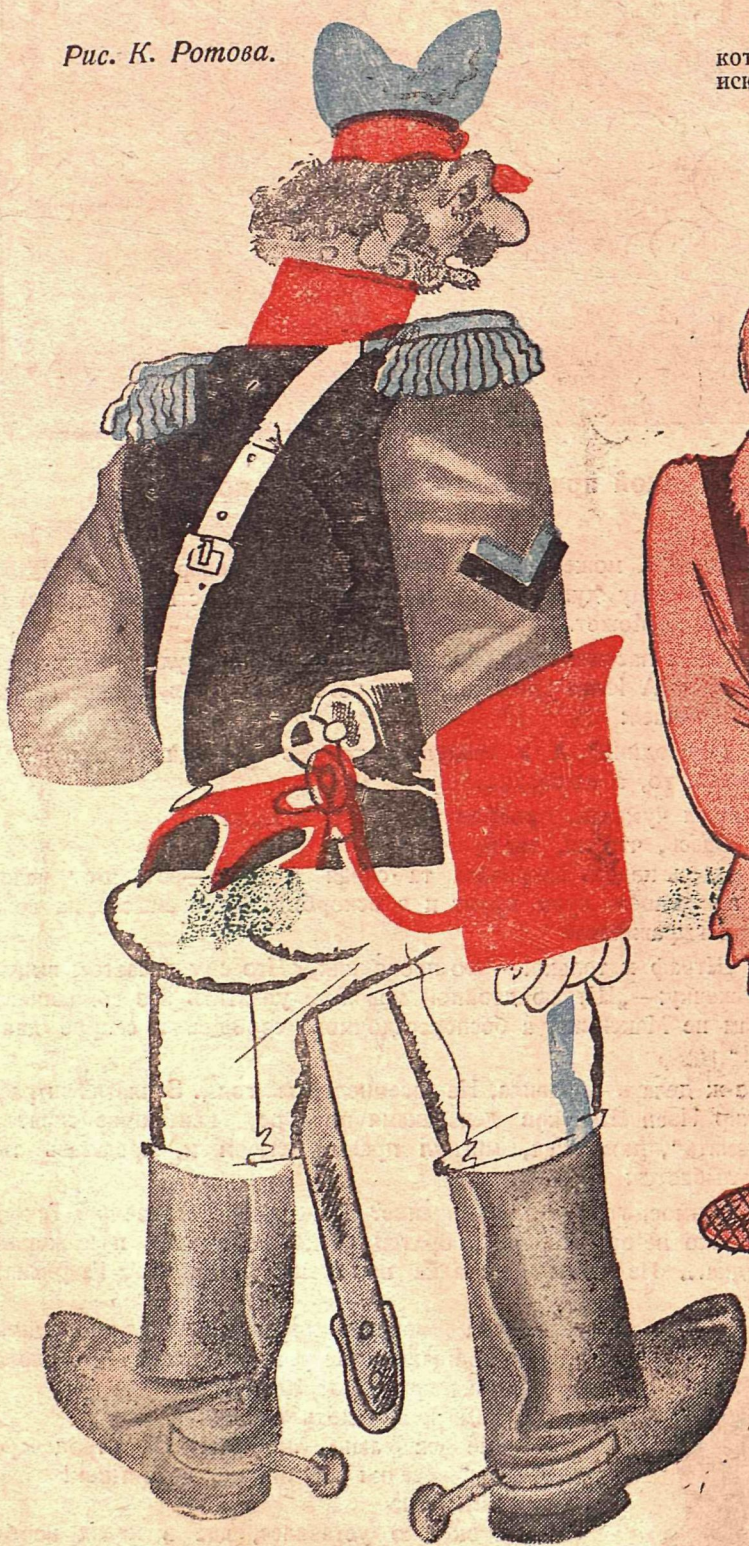
Вот по этому случаю и запала в голову тов. Гнездо идея. Дай, думаю, им лекцию задам, да такую, чтобы сразу пелена с глаз спала. Чтоб почували, наконец, в чем загвоздка коммунизма и чем дышут мировая буржуазия и прочие кулаки.

Раз десять тов. Гнездо напоминал секретарю укома, что очень желательно заполучить оратора, да не какого-нибудь, а похлеще—потому темнота среди граждан села Охриповки кромешная. Полная неосознанность. Секретарь укома обещал вот, вот и ровно, месяцев через восемь, приехали. Да не один, а двое сразу...

* * *

НАСТОЯЩИЕ РУМЫНЫ.

Рис. К. Ротова.

Вся Бессарабия заселена русскими, которых румынские власти выдают за исконных румын.

Из газет.

РУМЫНСКИЙ ЖАНДАРМ:—Поняли, черти, что говорить на случай опроса? Ну, ты борадач, скажи: кто ты такой будешь?

МУЖИЧЕК:—Так что... румын Иван Лапоть из Калужской губернии!..

Звонили в набат. Милиционер, писарь и сам Гнездо скликали народ на собрание. И, действительно, постарались—школа была битком набита. Первый оратор кашлянул и, мотнув головой, будто старый конь, собравшись в далекую дорогу, начал: „О международном положении.“

Говорил часа три с гаком... Говорил о репарациях, Керзоне, китайцах, пацифизме, оппортунизме, рейхстаге и прочих непонятных и страшных вещах. И товарищ Гнездо, внимательно следивший за собранием, замечал, что не спадает пелена с глаз у слушателей, а, наоборот,—тяжелеют их веки, и кое где, в особенности по углам, раздается храп...

— Товарищи, прошу внимания: спать не полагается!—кричал тогда Гнездо и звонит в колокольчик.

В это время оратор отхлебывал из стакана воду и с новыми силами нажимал дальше...

Говорил с чувством, стучал кулаком об стол, левой рукой рассекая душный воздух... Видать, человек старается вовсю, а охриповцы хоть бы хны, сидят, дремлют и между собою разговоры ведут о скотине, навозе, керосине, продналоге... Известно, деревенские дела...

Когда кончил оратор и прогласовали резолюцию, крестьяне радостно зашевелились, думали: „конец“! Но не тут-то было! На

его место стал другой, и—видать—здоровее первого, голосистей и злее. Сразу начал с такого, что и сам еле выговорил. Товарищ Гнездо на всех фронтах побывал—и то с испугом оглядывался! Вот какие словечки загибал...

Уж часа полто а говорил и, может-быть, как-нибудь дотерпели бы, и все бы кончилось благополучно... Во всем виноват Никита, чорт лысый,—и какая муха его укусила? Спал бы себе и спал,—так нет, вдруг протирает глаза, надвигает на уши шапку, да как гавкнет: „Держи-и-и!“ Спросонья, что ли, но-видать—сам сильно испугался своего голоса, потому как заработает локтями и бежать. Народ-то, ведь, пуганный, как заорут, загалдят и кинулись все к выходу.

Напрасно товарищ Гнездо кричал:—„Сто-о-о! не расходись!“ И совсем, совсем зря надрывался оратор:—„Подождите еще часок, и я кончу.“

Как глянут на него и пуше прежнего утекать. Только и слышно:— В окно, бра-а-а-а, кидайся! вынимай раму! Заходи сп, аа! а-а-а. У-у-у!

* * *

— Вот видите, какой у нас народ!—говорил председатель сельс вета тов. Гнездо, извиняясь перед приехавшии ораторами.—А вы их еще запугиваете разными словечками. Разве можно? Теперь их не только на лекцию, но ежели и по делу—никак не соберешь... Эх, а я еще на вас надеялся!..

Б. Левин.

ВЫХОДИТ В СВЕТ

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

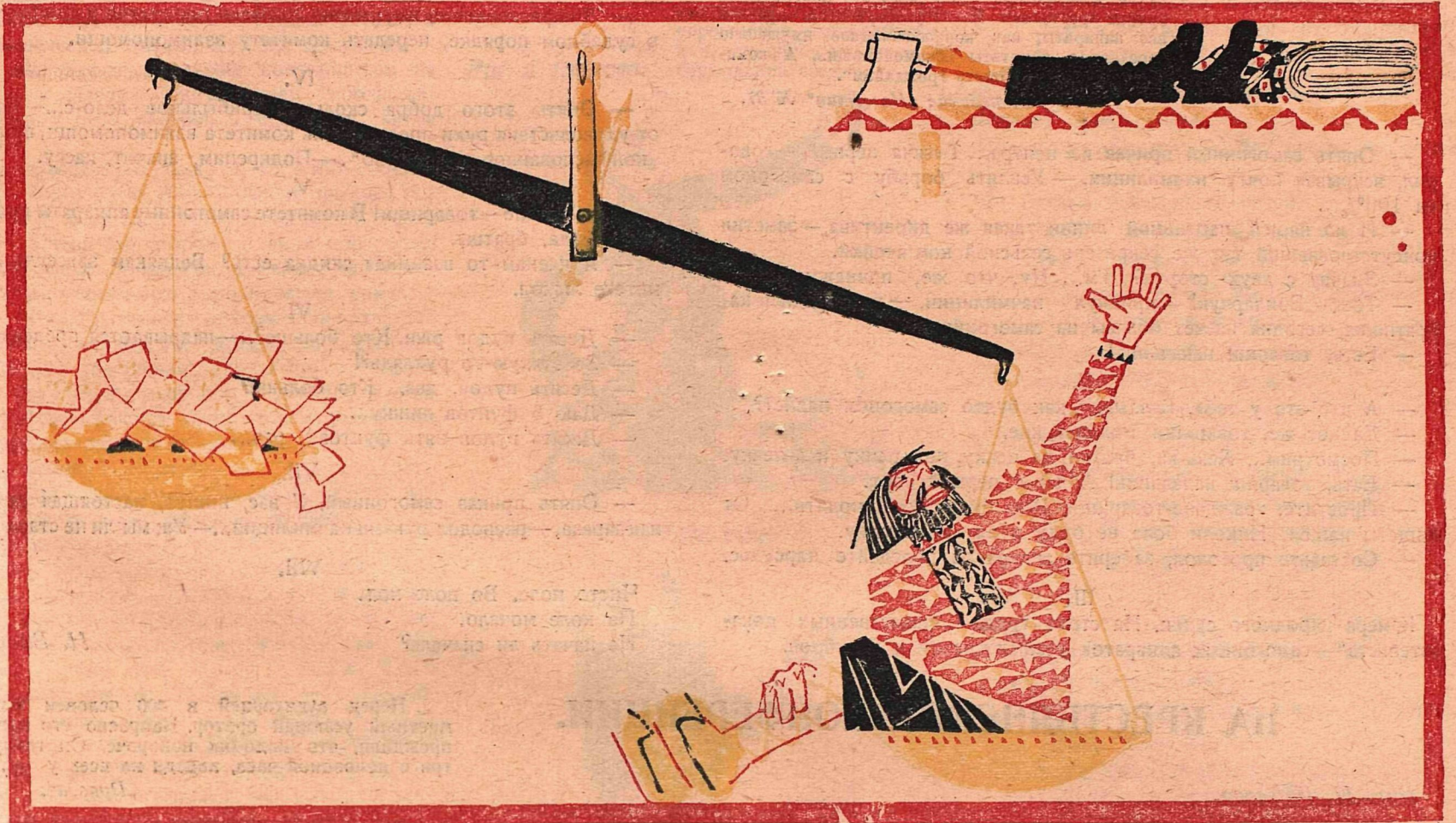
ДЕМЬЯНА БЕДНОГО

издание

„РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ“.

УРА! ДОТЯНУЛСЯ ДО СИТЦА И ТОПОРА.

Рис. С. Грузенберга.

Проклинаю удел свой тяжкий,
Сидел мужичок в чашке.

Не дотянуться ему до ситца!
Как тут не взбеситься?

Но вот исчезли легкие бумажки,
Звонкие монеты серебрятся в чашке!..

Дотянулся мужичок до ситца...
Будет этот ситец хорошо носиться!..

КРУГОВОРОТ.

„В м. Чероя, Бочейского уезда, Витебской губ., милиция, забирая аппараты у самогонщиков, оставляет аппараты вместе с протоколами у народного судьи, а секретарь судьи дает эти аппараты на прокат крестьянам. После разбора дела нарсуудья все аппараты, как конфискованное имущество передает в комитеты взаимопомощи... А комитеты продают их опять гражданам“.

Витебские „Известия“ № 37.

I.

— Опять самогонный приказ из центра... Тысяча первый,—говорил, вскрывая почту начмилиции.—Усилить борьбу с самогоном на 100%...

— И по нашей партийной линии такая же директива,—заметил присутствовавший тут же секретарь сельской ком'ячейки.

— Значит с двух сторон? Гм... Ну, что же, принажмем.

— Тов. Бондарчук! — крикнул начмилиций, — распорядись-ка, братишка, сегодня насчет облавы на самогонщиков.

— Есть, товарищ начальник!

II.

— А что это у тебя, Балдыгин, как будто самогоном пахнет?

— Да нет же, товарищи милицейские.

— Посмотрим... Лезь-ка, братки, на печку, под печку и в печку.

— Есть, товарищ начальник! Аппарат первый сорт.

— Простите, граждане-товарищи. Век буду бога молить... От нищеты нашей. Николи боле не буду и другим закажу.

— Составьте протокол, заберите аппарат и передайте нарсуудье.

III.

Камера народного судьи. На столе груда „вещественных доказательств“—самогонных аппаратов разных систем и калибров.

— Самогон варили? Признаете себя виновными?—спрашивает охрипшим голосом уставший нарсуудья.

— Стало быть виноваты, ваше благородие, товарищ господин судья. Сделайте снисхождение...

— Штраф... аппарат конфискуется...

— Конфискованное имущество согласно циркуляра о конфискации, в судебном порядке, передать комитету взаимопомощи.

IV.

— Опять этого добра сколько. Прибыльное дело-с...—потирал от удовольствия руки председатель комитета взаимопомощи, принимая „конфискованное имущество“.—Подкрепим, значит, кассу.

V.

— Граждане—товарищи! В комитете самогонные аппараты продают.

— Айда, братцы.

— А членам-то взаимная скидка есть? Беднякам завсегда в комитете льгота.

VI.

— Десять пудов ржи. Кто больше?—надрывается председатель.

— За этакую-то рухлядь?!

— Десять пудов, два... Кто больше?

— Даю 5 фунтов лишку...

— Десять пудов пять фунтов... раз...

VII.

— Опять приказ самогонный. У вас, пишут, настоящая самогонная зараза,—разводил руками начмилиции...—Уж мы ли не стараемся...

VIII.

Чисто поле. Во поле кол.

На коле мочало.

Не начать ли сначала?

Н. Витин.

НА КРЕСТЬЯНСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ.

„...Перед аудиторией в 400 человек вылез местный уездный оратор. Напрасно его предупредили, что надо-бы покороче. Он говорил три с половиной часа, наводя на всех у с...“

„Правда“.

Рис. Н. Радлова.

ОРАТОР:—Видите, товарищи, я говорил три часа и у меня материала еще на полтора часа... Ясно, что вопрос этот важный и требует внимания и внимания...

Вы вот говорите: два стеклышка проволокой связаны—вот и вся механика. Дрянь. А недаром за нее 3 червончика лупят. Большое землетрясение могут произвести очки в человеческой жизни... Это уж доказано...

Васька Меркалов служил конторщиком на дровяном складе. Конечно, спец небольшой, а жизнь у него сложилась особенная. Из-за очков.

Из себя Васька был не то, чтобы красавец, а вовсе даже урод. Рожа в прыщах, рот до ушей, а из пасти зубища так так на тебя и лезут. Очень он огорчался таким портретом, и, как бывало, в зеркало взглянет, так и застыдится, словно что неподходящее увидал.

— Чего-то, говорит, в моем лице нехватает. Однако, в виду его скромности и соответствующего поведения, его очень одобряли и на службе, и товарищи, и девицы. А одна безработная, так до такой точки дошла, что согласилась за него замуж итти.

Заплакала, а согласилась.

Потому — прыщи прыщиками, а 15 червончиков на улице тоже не валяются.

Тут-то и стряслось это самое.

Пошел раз Васька на лекцию. Ну, известно, — профессор. Старичок из себя неказистый, в роде, извините, пономаря. А на носу очки. Про омолаживанье научно так объясняет и даже про железу, которая, будто у обезьяны растет на предмет пересадки старикам... Смеху было — не рассказать.

Васька, однако, не смеется, а профессору смотрит, — не оторвешь. Смотрел, смотрел, а через два дня — глядь — в очках на службу пришел. Не узнать человека.

Счетовод его нечаянно рукой по локтю задел, а он ему:

— Попрошу вас осторожней. Вы мне очки с носа сроните.

Так и сказал. Счетовод, конечно, хотел его дураком обозвать, но сробел.

Стал Васька фасон показывать. Голову закинет, прыщи выставит этак нахально, зубы забором, и слова разные через них выпускает: э-э-э да э-э-э. И очки рукой все поправляет. Дескать — ай да мы.

И называть себя стал, подлец, не Васькой, а Васильем Тимофеичем. Всякие, можно сказать, границы перешел.

Со всеми, как есть, рассорился, на службу начал с опозданием ходить. И невесте отказал.

— Некрасивая, говорит, с лица. Спинной хребет очень выдается.

И пить начал.

Сядет в пивной и, конечно, для публики сейчас — ну разоряться.

— Вы, говорите, э-э-э... необразованные и несознательный элемент, даже, э-э-э... пива и того интеллигентно выпить не можете. А мы, которые умственным трудом живем, конечно, с понятием. Вот, к примеру, я. Почему я очки ношу. Потому — цифры. Перед глазами скачут, а где которые записать — разбери-ка невооруженным глазом. В нашей интеллигентной профессии очки — первое дело.

Треплет языком и знай очки поправляет.

С должности его, натурально, уволили, товарищи на версту бегут, мать плачет, а ему хоть бы что. Теперь совсем спился. Милостыню просит, а очки не снимает. Точно приросли.

— Подайте, говорит, интеллигентному человеку, который умственным трудом через очки себя погубил.

Вот они до чего человека довести могут. А вы говорите: два стеклышка.

Э. Гаро.

Наши съезды говорят об опасности „нэповского“ перерождения части работников, соприкасающихся с буржуазной средой.

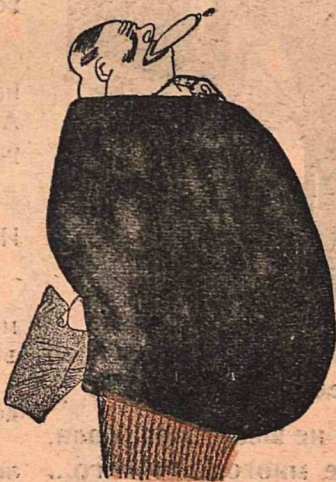
Рис. А. Егорова.

В 1920 году.

В 1921 году.

В 1922 году.

В 1923—24 году.

Санька весь день к отду приставал, —

Надоел: «Тять, а тять!»

Завтра возьмешь меня — ты обещал! —

В поле бороновать?»

Долго отец на него не смотрел, —

Борону ладил, устал.

Потом улыбнулся: — «Не встанешь, пострел?»

Но Санька ранехонько встал.

Ежась, выбежал на крыльцо, —

Отец собирался итти.

И Санька важно пошел с отцом.

А тот зевал и шутил:

— «Ну, хозяйствуй! Ты сам с усам!

Нос мне утрешь, хоть и мал!»

Отдал Саньке возжи, а сам,

Смеясь, легонько отстал.

Встретился около моста сосед:

— «Работник-то больно хорош!».

Отец подмигнул и крикнул в ответ:

— «Ты, брат, его не трожь!».

Вот и поле. С конца в конец

Возжи крепко зажав,

Начал по полю ходить отец,

Сивку держа в возжах.

— «Тять, а тять! Да-кося я заверну!

Только один разок!»

Отец легко встряхнул борону:

— «Ну, действуй, бороноволок!»

Санька под взглядом отца струхнул,

Упал и локоть ушиб,

Встал героем и не сморгнул:

— «Н-но! Ты еще попляши!»

Пусть на руке у него синяки, —

Санька от счастья дрожит:

Все мальчишки теперь — сопляки,

А он — настоящий мужик.

Вас. Лебедев

ВЪЕЗД и ВЫЕЗД.

Деревенский комсомолец спрашивает свою бабу:

— Бабка Аксинья, а бабка Аксинья!..

— Ну чего тебе, озорной?

— А какой у тебя ноне праздник?

— Въезд Христа в Иерусалим...

— А почему это твой Христос в Иерусалим на осле въехал, а не на автомобиле?

— Э-эх, дурень! Да ведь святые угодили-то только на ослах и выезжают.

Зритель.

Похороны по 1 разряду.

Многие рабочие и служащие жалуются, что колдоговоры не заключаются.

Из корреспонденций.

Довольно разводить бобы!

Довольно лишних разговоров!

Уж профсоюзам закуплены гробы

Для коллективных договоров.

РЕДАКТОР:—Вы тут нарисовали волостной кооператив. Отлично. Но я здесь не вижу соли.

ХУДОЖНИК:—Эти два мужичка, к сожалению, тоже не видят здесь соли. Кроме того, они не видят керосину, сахару и еще многого другого...

Советский госприказчик.

Крокодил получает множество писем с жалобами на грубость госприказчиков.

Чего же ты плачешь, Сатира?

— Да как же? В гославку пришла.

«Позвольте четверочку сыра: Получка сегодня была»...

«Четверку»? Приказчик хохочет, Кассирша хохочет рядом:

— Уплату не надо ль рассрочить? Гославка гогочет кругом.

Советский госприказчик,
Пора вам в сорный ящик.

Семен Александрович Козоногов сидел в своем кабинете и грустно просматривал судебный отдел газеты, напевая:

— Что день грядущий мне готовит.

В дверь постучали.

— Это я, Сема! Я! Налетов!

— А... Входи, Входи... Тебе можно!

— Занят? Помешал? А? Я только на минутку!

— Пожалуйста, пожалуйста. Располагайся, я не спешу. Чайку может хочешь?

— Нет, нет. Я к тебе, собственно, по делу.

— По делу? По какому?

— Так, пустяки... Заранее извиняюсь за беспокойство. Я так сказать, хе-хе... к твоему прокурорскому авторитету.

— К прокурорскому?

— Да, да! Тут, понимаешь, историйка одна вышла.

— Постой! Я хочу тебя предупредить...

— Да ты выслушай сначала. Можешь ты меня выслушать?

— Выслушать я готов, но только хотел сказать...

Налетов заерзал еще больше и разразился высоким деланным смехом.

— Стой! Положди! Выслушать ты меня успеешь. Прежде нужно исполнить поручение... Совсем было забыл! На-днях я встретил Алексея Федоровича Прокофьева. Помнишь Алешу?.. Ну, так вот. Он просил меня передать тебе небольшой должок!

— Не помню, чтобы я ему давал в долг.

— Ну, уж это не мое дело. Можешь спросить его самого... Хотя он, кажется, вчера уехал в Екатеринбург... А теперь слушай! Ведь, ты прокурор нашего района?

— Видишь ли, я не хочу вводить тебя в заблуждение...

— Знаю, знаю... Честь, долг, ответственность и... прочая ерунда! Но со мной то уж можно говорить по приятельски. Дельце-то пустяковое... Выеденного яйца не стоит! Видишь ли, меня обвиняют в даче и приеме... этих... как их... ну, взятку вообще.

Ты читал, вероятно, у нас в управлении ревизия была?

Козоногов утвердительно кивнул головой.

— Ну, так вот... Я один почему-то попался... то-есть это... как сказать... подвернулся. Ты понимаешь?

Козоногов поморщился и свистнул:

— Скверное дело! Не одним годом пахнет! И я тебе ничем, понимаешь, ничем не смогу помочь!

— Ну, не хитри, брат. Что со старым приятелем хитрить! Прокофьеву помогал, а мне не можешь! Скажи лучше, не хочешь!

— Да я сам сейчас в таком положении, что...

Налетов перебил:

— Т-с-с... Кто это там играет? Дочка?

— Да.

— Очаровательно! Кстати: ты, помнишь, говорил, что хочешь купить рояль? А то у меня есть чудесный Беккер...

— Мне теперь не до роялей. Да у меня денег-то нет...

— Что? Пустяки! Я могу подождать! Надо мной не каплет! Так решено! Рояль я сегодня же пришлю. А теперь бросим это и к делу. Значит, я могу на тебя рассчитывать? Правда?

Козоногов встал и нервно зашагал по комнате:

— Кузьма Антонович! Я не хочу тебя обманывать. Имей я только возможность...

Налетов вскочил и подхватил Козоногова под руку:

— Ну вот! Ну вот! Да если бы ты не имел возможности, стал бы я тебя просить? Ты, хитряшка, наверно уж дело мое прочел? А? Сознайся?

— Не мог я прочесть твоего дела. Вот уже две недели, как я...

— Перегружен работой? Знаю, знаю! Оплот республики! Хе-хе! Ну, ладно... Значит, решено!

Козоногов рассердился:

— Что решено? Что решено, черт возьми? Ты мне слова сказать не даешь!

— И не дам, господин сердитый прокурор! И не дам! Ты где сегодня обедаешь?

— Нигде я не обедаю. Я уж две недели, как отстранен от должности! Понял? Ну?

Налетов побледнел, как полотно, и бессильно брякнулся на стул:

— За... за что? Ты... не врешь?

— По подозрению во взяточничестве!

Дикий вопль раздался в кабинете Козоногова. Когда жена в испуге прибежала на крик, она увидела Налетова верхом на своем муже. С налитыми кровью глазами Налетов орал:

— Жулик! Обманщик! Отдай деньги, мерзавец! Отдай! Козоногов хрипел и отбивался.

ЗАСЛУЖЕННЫЙ КОНЕК.

Рис. Н. Шестопалова.

„...Мы долго ездили на совзнаке, и он имеет много заслуг, но, видимо, дальше на этом коньке не поедешь—пора ему и в отставку“...

(Из речи т. Каменева на 2 С'езде Советов Союза).

Рис. Н. Радлова.

И ТУТ, И ТАМ.

ЧАСТНАЯ ТОРГОВЛЯ.

Экономии образчик:
 Сам хозяин, сам приказчик,
 Сам бухгалтер и кассир,
 Сам проныра из проныр,
 От товара сам
 К в сам,
 От весов—к обертке,
 От обертки—к увертке,
 Обсчитал, сдачу сдал,
 Быть здоровым пожелал.

ГОСТОРГОВЛЯ.

— К магазинному преду?
 Прием в среду.
 — К управделу?
 В субботу, по по неотложному делу...
 Забухгалтерией
 Страдаем истерией
 Продавцы?
 Некогда! Едят леденцы.
 Кассирша прическу кудрит
 И нос пудрит,
 А швейцар, одетый в ливрейную
 шкуру
 Кричит: „Пожалуйте в комендатуру
 Получить пропуск на вещи!“
 Торгуем хлестко—нельзя хлеще!..

Чижик.

РАБОТНИЦА: — Товарищ предзавком! Так что с этими матершинниками немоготу стало работать. Пристыдите этих ругателей.
 ПРЕДЗАВКОМ:—Ах, вы, так вас растак ... Язви вашу...

НЕИСПРАВИМЫЙ.

— Ну-с, что вы скажете теперь, милостивый государь? — весело воскликнул я, врываясь в затхлый кабинет Тупягина.

— А что такое? — кисло поморщился Тупягин, поджав тонкие лиловые губы.

Я выдержал блестящую паузу и, заранее предвкушая эффектное изумление Тупягина, небрежно бросил:

— Звонкая монета. Выпущена Советским правительством.

— Ерунда! — сказал Тупягин.

— Но сегодняшняя номер газеты. На первой странице.

Я ткнул Тупягину газету. Тупягин лениво скользнул глазом по очерченному синим карандашом месту и сказал:

— Брешут. Очки втирают. Погубили Россию, а теперь баки забивают.

— Это кто Россию погубил?

— Большевики ваши погубили. Чувствуют, что их песенка спета, и морочат доверчивых людей. Могу вас уверить, что не пройдет каких-нибудь двух недель, как все ваши Совнаркомы полетят кувырком вместе с вашей мифической звонкой монетой.

— Тупягин... Ха-ха... Вы меня просто удивляете. Ведь, совершенно тоже самое вы утверждали два года назад.

— Я своих мнений не меняю-с. Тогда утверждал и теперь утверждаю. Ваша звонкая монета брехня.

— Ах, так! А это по вашему тоже брехня? — воскликнул я, вынимая из кармана новенький двугривенный.

Тупягин вскользь посмотрел на двугривенный, сиявший в моих пальцах, и пожал плечами.

— Обыкновенный николаевский двугривенный... Ограбленный большевиками из монетного двора в 17 году...

— Да, Тупягин, видите: вместо орла ненавистные вам серп и молот и надпись: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь“.

— Ерунда. Приклеили.

Я заскрежетал зубами.

— Слушайте вы, Тупягин! Видите: пятирублевая ассигнация?—я вытащил из кармана казначейский билет.—Посмотрите на него внимательно. Сейчас мы с вами пойдем в любой магазин, купим четверку табаку, и я на ваших глазах получу сдачу се-ре-бром!

— Челуха. Никакой нормальный человек не разменяет вам эту подозрительную советскую бумажку на серебро.

Я почувствовал, что ком подкатил к моему горлу. Я собрал всю свою силу воли и процедил сквозь зубы:

— Тупягин... Какие же деньги в таком случае вы признаете?

— Ро-ма-нов-ски-е,—скрипнул Тупягин.—Ни-ко-ла-ев-ски-е. Это настоящие деньги. Без всяких фиглей-миглей.

— Ах, так, дорогой товарищ Тупягин, — сказал я, ласково улыбаясь,—очень приятно. А скажите, пожалуйста, что это у вас такое висит в простенке между этими двумя многоуважаемыми окнами?

— Зеркало,—с удивлением сказал Тупягин.

— Зеркало. Но оно мне не нравится.

Непосредственно за этим я взял с письменного стола какую-то бронзовую собаку и бросил ее в зеркало. Осколки брызнули во все стороны. Тупягин окаменел.

— Кроме того, мне не нравится цвет ваших обоев. Но мы это сейчас исправим.—Я взял со стола большую бутылку чернил и не прошло двух минут, как обои приобрели очень оригинальную и живописную окраску. Затем я выпустил из перины пух, наскоро вспорол перочинным ножом бархатный турецкий диван, сунул в него жалкие остатки стальных часов, выдавил тюбик синтетикона в ночные туфли хозяина и затопил камин обломками какого-то мореного дуба.

— Надеюсь,—ласково сказал я,—что вы не доведете дела до народного суда. Я понимаю, если б это был еще окружной суд, но стоит ли мараться об этот паршивый большевистский судишко. Не правда ли, Тупягин? Лучше я вам просто заплачу пятьсот рублей наличными за организацию уюта в вашей мрачной холостой берлоге и дело с концом?

— Как угодно,—сухо сказал Тупягин.

— Потрудитесь получить,—сказал я, протягивая Тупягину романовскую пятисотку.

— Вы что, издеваетесь надо мной?

— Какое уж тут может быть издевательство,—грустно сказал я,—умел уют старому холостому другу устраивать, умей и денежки за это платить. И не какие-нибудь советские. Паршивые... Фигли-мигли. А настоящие, романовские, так сказать.

— Надеюсь, вы шутите,—хрипло прошептал Тупягин.

— Какие уж тут шутки... До свидания, Тупягин... Мебель советую покупать на Сухаревке. Там, знаете ли, дешевле и хуже. И все таки не в каком-нибудь гнусном большевистском государственном тресте.

Валентин Катаев.

БЫТ ПО ЭТАЖАМ.

(Разрез московского дома).

Рис. К. Ротова.

6-й этаж. Рабфаковец Забелкин,
Крутя меж пальцев мнимые усы,
С большим азартом хоть и без тарелки
Трагично ест восьмушку колбасы.
С угла прищуром зорким смотрит Ленин,
На узкой полке целый книготрест...
Эффект восьмушки дьявольски мгновенен
И так велик желудочный протест.

На пятом. «Макс» — районный парикмахер,
Он гитарист и грешен на стихи.
На стенке «нимфа» (даже без рубахи),
А на комодке галстук и духи.
Бутылка пива [выпита с Марусей] —
Три венских стула, ломаный диван, —
Вся обстановка, в общем, в «высшем» вкусе,
И на столе потрепанный «Тарзан».

Четвертый. Павел Силевич Замятин,
Ларек в Охотном маленький держа,
Он, помолвившись, дрыхнет на кровати,
Что шириной, буквально, как баржа.
На окнах две кисейных занавески,
Герань и кенор — в общем весь «уют»...
Ах, Павел Силыч, муж довольно веский,
Его в Охотном все торговцы чтут

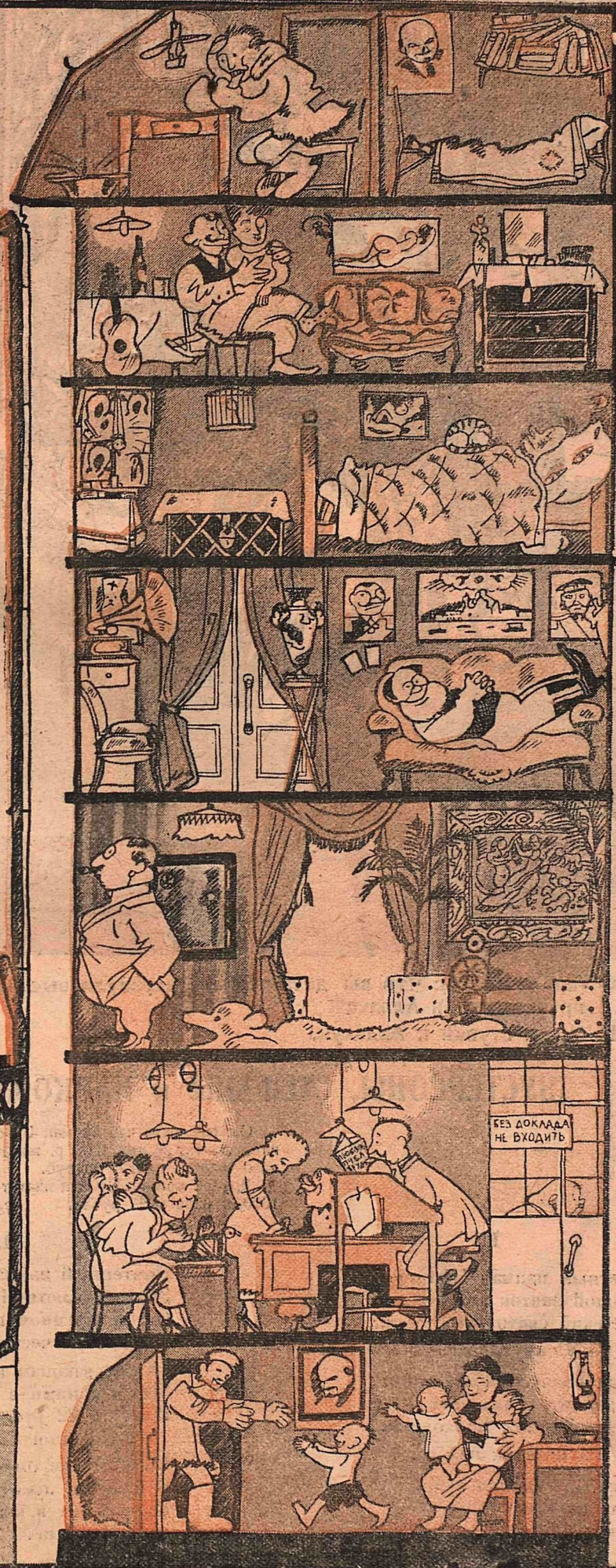
На третьем. Сидор Карпович Обмеров.
Диван под шелком, кресло, пара ваз,
Глухие шторы, серые портьеры
(Он где-то держит лавку и лабаз).
На стенке два безликих генерала,
Архиерей, открытки и Афон...
Кровать под теплым ватным одеялом
И в уголке уснувший граммофон.

2-ой этаж. Валютчик Мендель Раскин,
Известный рыцарь биржевой игры:
Портьеры (бархат розовой окраски)
И, словно пух, широкие ковры.
В углу Маковский (самый настоящий),
Три пальмы в кадках в ситцевом чехле,
В стене стальной (вполне надежный) ящик,
Где, так сказать, детишкам есть на «хлеб»

На первом — трест... Конторки и прилавки,
С утра стучат тревожно «Ундервуд»,
Приемка касс, отчетности и справки
И, так сказать, «интеллигентный труд»;
Сюда не в'едешь просто без подмазки,
Здесь надо ж дать, чтоб после на доклад.
На машинистках столько разной краской,
Что ей окрасить можно б весь фасад.

Подвал... на плиты смотрятся оконца,
На стенках сырость, снег забил порог,
Здесь никогда теплом не брызжет солнце,
И ничего не видно кроме ног.
Семья рабочих... Матери колени
Покрывают шумной, милой детворой,
А со стены любовно смотрит Ленин
С такой печальной траурной каймой.

КОНСТ. ШЕЛОНСКИЙ.

ЯБЛОКО ОТ ЯБЛОНИ НЕ ДАЛЕКО ПАДАЕТ...

Рис. Н. Шестопалова.

Согласно решению турецкого парламента, халиф с семейством покинул Константинополь и выехал в Швейцарию.

ХАЛИФ (возмущенно): что вы делаете! Вы дерзнули выслать из Турции меня, представителя Аллаха!!!
ТУРКИ: Ну, и ступай к Аллаху!..

ШУСТЕРСОНЫ, СТЕФАНЫ И НАРКОМФИН.

Оказывается, что нэпман Шустерсон занимает 2 комнаты, платит за них 1500 р. жилтовариществу, а подоходного налога платит 45 руб.

Другой нэпман Стефан платит жилтовариществу около 1000, а налогу 22 рубля. Из речи т. Ларина

I.

Почетный нэпман Шустерсон —
Большой знаток декретов:
Советский свято чтит закон..

— «Умру за власть Советов!

И как никак, я гражданин.
Ну, значит, слава богу —
С меня взимает Наркомфин
На пятачок налога.

Живу... легонечко кучу...
Одна беда—две тыщи
Я жилтоварищам плачу

В полгода за жилище.

А Наркомфину в тот же срок
Лишь 45 целковых...
Ах, Наркомфинчик... ах, дружок!..
Люблю таких... толковых»...

II.

Почтенный нэпманчик Стефан —
Знаток валютной части.
Он за стаканом пьет стакан —
Все в честь советской власти.

«Хвала законам из Кремля:
Иду я с ними в ногу —
Плачу я 22 рубля
Казенного налога.

Но наш домком—грабеж средь дня:
С меня он лупит тышу...
Он разорит в конец меня...
Из-за него я нищий!..

Пока хромает аппарат,
Взимающий налоги,
О, Наркомфин!.. о, друг!.. о, брат!..
Я выиграл в итоге».

Ч.-Ч.

„ЧЛЕН КЛУБА“.

Клуб—это, братцы, клуб, а не заведение. Знаю. Держать надо себя в вежливости и аккуратности, потому на стенах вожди висят и одобряют, которые члены распущены и не соблюдают дисциплины.

Но как я молодой еще член клуба, не приобывший к хорошей жизни, то и могу вполне впасть в откровенность и свободно заехать в зубье, не говоря уже про выражения словами.

Так оно и вышло. Записали меня в один духовный кружок и говорят:

— Накапливай, товарищ, знание!

Потом говорят:— Вы уже, пожалуйста, на лекцию чтоб без алко-голя!

— Что тут делать? Характер у меня—вылитый папаша: именно, алкоголь и никаких квасов!

На лекции вначале как бы ничего. Человек в очках развел разное, а к чему — не поймешь. И вдруг возьми и выразишь, да еще как?

— Господа Маниловы!

Ну, конечно, невтерпеж мне стало. Я и того, думаю: если ты интеллигент, как бы учитель жизненного обихода, как бы в кружке генерал, — так тебе все можно, а нашему брату, серячку, — заткнись и не дыши. Вот я на тебя дыхну — спознаешь!

Встал это я во весь перпендикуляр и говорю: — Значит, слово товарищ как бы опущено, как бы без надобности? Значит, снова господ разводите?!

Молчит. Глаза вылупил, что баран на новые ворота.

— За это самое слово, товарищи, живот свой кладут, — вскричал я. — Хотя вы и лектор, а извините, своячь, и в лицо вам заехать могу безо всяких!

Загадели, руками машут. Вывести его, говорят. Это меня-то вывести.

И вывели. И из членов клуба выключили. На руки выписку выдали: был, мол, выпимши.

А разве пиво в счет?

Вечером завклуба поймал: — За что понапрасну лишили клубной жизни и дальнейшего углубления?

— Да ты пойми, человечина, нельзя так раз-раз и в зубы! Ведь, он в действительности посрамил весь буржуйский класс: все они Маниловы, значит, сволочи, потому помещики по папашинным и мамашинным линиям, ну, конечно, заодно и господа. А ты дискуссию, в зубы. Понял теперь?

Так и выключили.

Хорошо еще, что членских взносов не успели вытряхнуть. Поди, наверняка, бутылка пива. А бутылка—она что, она на улице не валяется. Нет!

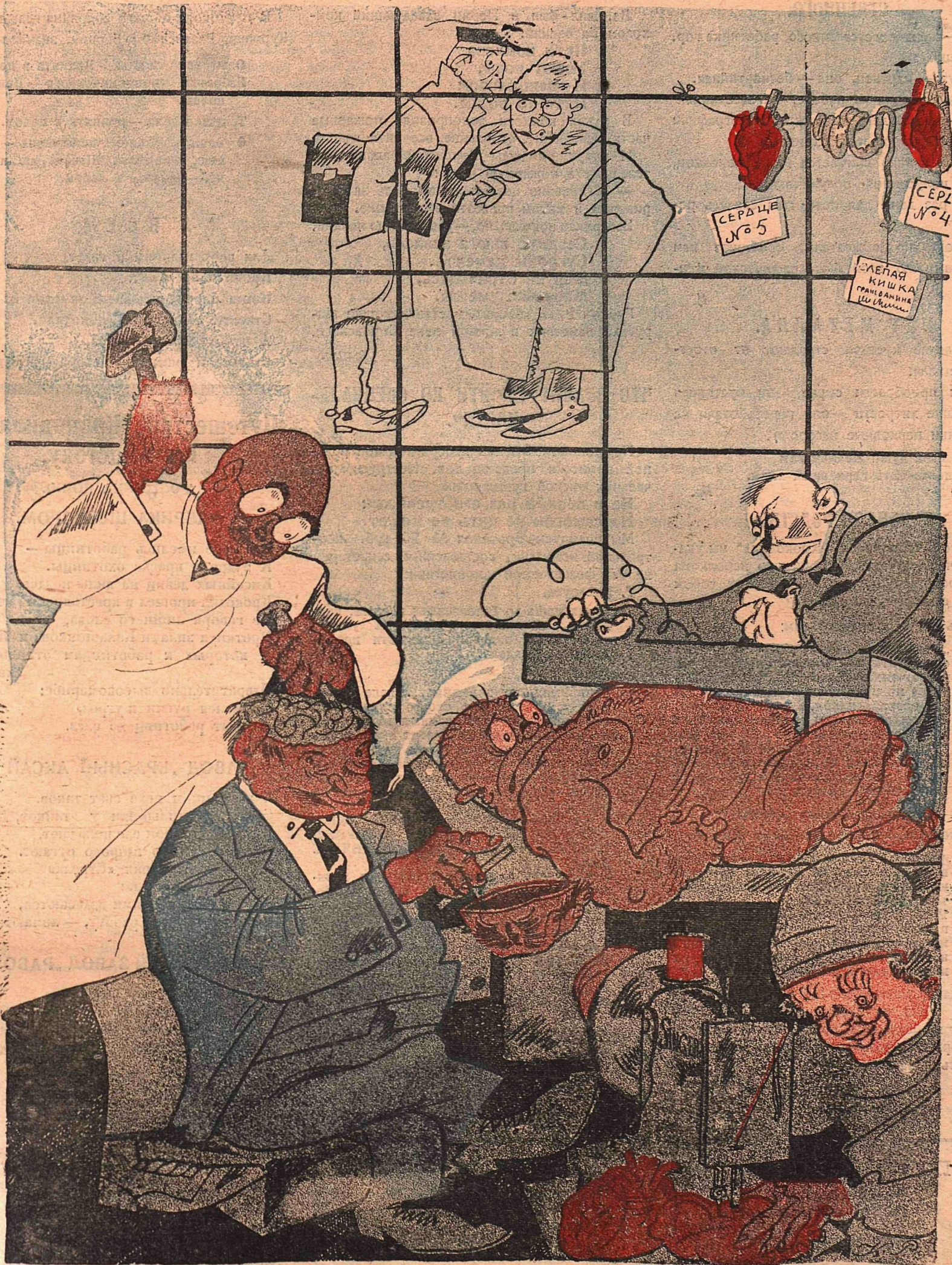
Ракитников.

ЧЕЛОВЕКО-РЕМОНТНАЯ МАСТЕРСКАЯ.

На заседании общества хирургов доктор Джапаридзе демонстрировал больного, которому 11 лет тому назад была сделана операция сшивания сердца и двух ран в легких.

Рис. К. Ротова.

(Из газет).

ОПЕРИРУЕМЫЙ (стряхивая пепел в свою черепную коробку):—Третий день к вам хожу, а вы до сих пор мой мозг не починили. Мне канцелярией заведывать надо!

ОПЕРАТОР:—Ну, это и без мозга делать можно!..

ВИЛЫ В БОК.

БЕЗОТВЕТСТВЕННАЯ ЖЕНА ОТВЕТСТВЕННОГО.

Она — жена ответственного работника гор. Череповца.

Ее муж — партиец, она — беспартийная.

Он целый день на работе, на заседаниях

Она — целый день мечется по фотографиям и снимается, снимается, снимается

Снимается так, снимается этак, передком, бочком, полуспиной, полуличиком.

Один раз даже для потомства снялась полуголая.

Череповецкие обыватели, сообщите нам имя и фамилию этой фотографической женщины.

4.

НЕТ МЕТАЛЛА.

Павловские кустари страдают от отсутствия металла.

Чтобы приобрести сырье, они пустились на большие хитрости — они переработали на напильники церковные изгороди

От всей души желаем вам
Использовать церковный хлам.

Пр.

ЗАКОННОЕ РОДСТВО.

В одном из номеров „Крокодила“ мы указывали, что финотдел Мариинского исполкома полон родственников и представляет собой „милую семейку“.

Теперь финотдел пишет нам:

„факты, приведенные в заметке, вполне соответствуют действительности, за исключением разве того, что тов. Лебедев не председатель правления союза работников, а член правления. Да, между многими сотрудниками УФО родственные связи есть. Но противозаконного тут нет ничего: ни один из родственников не находится в подчинении или под контролем другого, а все служат в разных п/о.“

И как образовалась такая „семейка“

Оказывается, сродство семейное есть, но...

„родство с бухгалтером кассы возникло в 1924 г., когда он женился на одной из самых старинных сотрудниц УФО, тов. Склифасовской.“

Жена делопроизводителя налогового п/о тов. Есина служит счетоводом в п/о местных средств, родство образовалось в 1923 г., когда т. Есин женился на конторщице Жолобовой.“

Граждане, успокойтесь! УФО не нарушает законов! УФО на страже законности! УФО работает в обстановке, содействующей заключению браков между служащими. Женитесь, плодитесь и заполняйте УФО...

И ВАШИМ...

ПРИ УЧАСТИИ

ХОРА ЮХОВА

в храме святого Петра

СВЯЩЕННЫЕ ПЕСНОПЕНИЯ

Совет верующих.

МАРУСЯ ОТРАВИЛАСЬ.

Да, жил-был в Перми заведующий комхозом Баровский.

Пути комхоза

Усеют розы,

И завкомхозом

Идет по розам.

В руках комхоза водопровод, пожарные части, освещение, отопление, все нити власти.

И вдруг однажды Баровский звонит по телефону в пожарную часть:

— Мгновенно послать автомобиль за ветеринаром и мигом привезти его ко мне.

Ветеринар приехал, но, —увы!— было поздно.

Сердито выюга злилась,

Сугробы намела...

Маруся отравилась,

Маруся умерла.

Губком РКП, говорят, поставил кошке Марусянке памятник в личном деле Баровского.

Демич.

ЧТО ЗНАЧИТ „ПОЙТИ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ“.

Перед лицом Омской губернской контрольной комиссии предстал тов. Неструев, начальник омской губмилиции.

Не в первый раз его тревожат:

Но самогон не пить не может.

Мы цитируем протокол № 25 губ. контрольной комиссии, составленный секретарем не без фельетонной юмористики:

Т. Неструев,

„напившись до бессознания пьяным, произвел бездельную стрельбу на улице, этим самым подверг опасности проходивших граждан“.

И далее:

„принимая во внимание... явно незаконное пользование своего служебного положения в своих личных корыстных целях, выписывая в кредит ниже существующей стоимости пиво, а также связь и снабжение частной пивной „Био“, что давало ей возможность под покровительством начгубмилиции расширять свою кабацкую деятельность“...

ГКК постановила: ТОВ. НЕСТРУЕВУ ВЫНЕСТИ СТРОГИЙ ВЫГОВОР С ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕМ И ЗАНЕСЕНИЕМ В ЛИЧНОЕ ДЕЛО.

В виду того, что данные поступки являются результатом того, что тов. Неструев, состоя на ответственной должности, ПОДВЕРГСЯ ОБСТРЕЛУ ЧУЖДОГО ЕМУ ПО ИДЕОЛОГИИ КЛАССА, толкнувшего его на путь разложения, исходя из этого ГКК считает необходимым т. Неструева снять немедленно с ответственной работы и ПОСЛАТЬ НА ПРОИЗВОДСТВО ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ“.

Нас спрашивают, что это — фельетон или серьезная заметка в Омской газете „Рабочий Путь“?

Омский.

И НАШИМ...

ПРИ УЧАСТИИ

ХОРА ЮХОВА

в клубе РКИ

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОНЦЕРТ

Оргкомиссия.

ПРИНЯТЬ В ЦЕЛОМ.

В протоколе общего собрания граждан села Курмана, Рязанской губернии, значится:

О выписке газеты — Принять в целом.

Избрание уполномоченного — Принять в целом.

Текущие дела — принять в целом.

О международном положении — Германию, Францию, Швейцарию и пр., и пр. — принять в целом.

ВСЕМ.

Для всех изданий и газет

Крокодилый совет:

Когда перепечатываете заметки из „Вил“.

Ставьте: „Сообщил Крокодил“,

А чтоб не было спора,

Ставьте и фамилию автора — рабкора.

Путешествие Крокодила по Югу-Востоку.

(РОСТОВ НА ДОНУ).

ФАБРИКА ШВЕЙПРОМ.

В отделе имелись работницы —

К пудре и краске охотницы.

Кисейных девиц на вилы поддев,

Крокодил прошел в крестьянский отдел.

Не говоря лишнего слова,

Проткнул вилами Калашникова и Яснова,

У которых к работницам отношение скверное,

Отвратительно высокомерное:

Не жалея ругни и угроз,

Доводят работниц до слез.

ЗАВОД „КРАСНЫЙ АКСАЙ“.

В жатвенном цехе свет таков.

Стоят сверлильщики у станков,

В дыры сверлом еле попадают,

Администрацию здорово ругают.

Со сверлами марки «Стрела»

Стоят скверно дела:

Сверла над рабочими издеваются,

Чуть пустишь в работу, — ломаются.

МЫЛОВАРЕННЫЙ ЗАВОД „РАБОЧИЙ“.

Придя в туалетное отделение,

Крокодил опешил от изумления,

Увидев «женской работы» образчик:

Работницы волокли 10-пудовый ящик,

Надрываясь до пятого поту,

Ругая во всю такую «работу».

В хозчасти, на складе материальном

Имелись весы идеальные,

Не весы, а какое-то чудо —

Показывают выше почти на два пуда.

ЗАВОД „МЕТАЛЛ“.

По заводу ходили павами

Завы с замзавами.

Помзав Гребенской

Мотается день-деньской,

Забывая на свете все и вся,

Выращивает породистых поросят.

Секретарь Крокодила Архип.

СТРАНИЦА ЧИТАТЕЛЯ.

ЕГО ГОРЕ.

Рис. Н. Петухова.

СОЦИАЛ-ПРЕДАТЕЛЬ (обращаясь к генералу Секту):—Дяденька, и я тебе помогаю! Смотри, не забудь мне заплатить за работу!

АЛЧУЩИЙ ЗОЛОТА.

В г. Кривом Роге, Екат. губ., есть помощник начальника почтово-телеграфной конторы Леонов.

Получил я повестку на заказную бандероль (книга).

Наложённый платеж—один рубль золотом.

Предъявляю повестку, тянусь к карману за деньгами.

— Не годятся,—спокойно замечает помнач.

— Как?—удивленно, вытаращив на него глаза, спрашиваю я.

— Совзнаки не принимаю.

— По какому это случаю?

— А по такому, что уже вышли золотые, достоинством в рубль, три и пять.

— Но позвольте, декрет правительства об аннулировании совзнаков еще не издан. Совзнаки обязано принимать каждое государственное учреждение по курсу дня.

— У нас свой декрет есть: распоряжение наркомпочтеля. Только казначейским знаком—рубль золотом.

— Извините, помнач, в городе таких денег еще нет. Вот—подаю ему—справка Госбанка, что кроме пятирублевки, им в обращение в городе других казначейских знаков не выпущено, их еще Госбанк не получил.

— Прошу без дерзостей.

— Это—форменное безобразие!—возмущаюсь я.—Начальника конторы могу видеть?

— Я сам—начальник конторы.

— Ну, как же быть?—спрашиваю я с досадой.

— Ждите, пока придут в Кривой Рог золотые рубли...

Выбежал я из почты, обегал все банки, лавки, но золотого рубля не нашел.

И. Петренко.

Степан Максимыч Запойкин, мужчина лет под 40, но уже с довольно помятой физиономией, пришел домой совершенно убитый неожиданно обрушившимся горем.

Он сел за обед, но ему не хотелось есть. Не до того было. В душе был „милльон терзаний“...

Даже жена встревожилась, увидев осунувшееся лицо Запойкина.

— Что с тобой?..—спросила она.

— Что со мной!!—повторил грустно Степан Максимыч, барабанив ложкой по столу.—Он... понимаешь ли, он... остановился и больше расти не будет...

— Кто он?..

— Кто, кто!!—Запойкин даже выскочил, как ужаленный, из-за стола и начал быстро-быстро ходить по комнате.—Конечно, червонец... Взял да и остановился, как вкопанный.

Вечером он сидел в пивной.

— Тоже реформу провели...—попробовал он вставить свое замечание, услышав за соседним столом разговор о твердой валюте—Реформаторы! Подумаешь... Остановили курс червонца, а чорта ли толку-то в этом?

— Нет... Это не скажите, гражданин...—откликнулся один из

собеседников—Это—хорошее дело... Вот к примеру мы.. Получали с фабрики одну сумму, а глядишь, через день-два она уже меньше... Кому была выгода? Конечно, этим прохвостам—валютчикам.

Запойкина даже бросило в жар. Он замолчал и решил больше не вмешиваться в разговор.

— Наконец-то...—слышалось с другого стола,—мы дожили до копейки и рубликов... Шалишь... Теперь не придется ходить на Ильинку... Дас-с...

Запойкина покорило, как бестру на огне... Ему уже не хотелось осиротелым сидеть за пивом, и он решил возвратиться домой.

Долго Степан Максимыч не мог заснуть в эту злополучную ночь. Ему снилось все исключительно страшное, кошмарное...

То шел он под конвоем на Лубянку, то сидел в одиночной Таганской тюрьме... То жалобно визжал какой-то голос, то сам Наркомфин вставал у изголовья и весело подсмеивался, подмигивая глазом:

„Ну, что?! Даю, беру червонцы!“

Альдем.

К НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТАМ.

С каждым днем число корреспонденций от наших читателей увеличивается. Нам пишут для отделов „Вилы в бок“, „Всем сестрам по серьгам“, „Страничка читателя“.

Если бы отвечать каждому корреспонденту в „Почтовом ящике“, то это отняло бы много места.

Поэтому редакция „КРОКОДИЛА“ переходит к СНОШЕНИЯМ СО СВОИМИ КОРРЕСПОНДЕНТАМИ ЧЕРЕЗ ПОСРЕДСТВО ОСОБЫХ ОТКРЫТОК, рассылаемых непосредственно корреспондентам.

В почтовом ящике будут даваться лишь ответы, имеющие общественное значение.

Рис. Думы-Чайки.

Петлюра удрал из Польши в Венгрию с поддельными документами на имя Степана Могилы.

(Из газет).

Айда в могилу.

РУБЛЬ И СТЕРЛИНГ.

(Басня).

В громадном кошельке валютчика-менялы, Где франки, стерлинги, импералы,

Все сблизись безтолково,— Английский фунт вдруг встретился с целковым.

— „Эй, коммунист, послушай, брат“,

Воскликнул фунт:— Что значит этот маскарад?

Ты был паршивенький, бумажный,—

Теперь же вид солидный, важный.

Кто дал тебе и звоц, и блеск, и свет?

— Кто?—рубль в ответ,—

Да тот же, кто на мне и отчеканен,—

Российские рабочий и крестьянин.

М. З.

Рис. Д. Воронова.

Служим недорого, почти даром— По стилям старым, Но сообразно количеству целковых Не боимся и стили новых.

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА.

Что ты, знак советский, Сильно похудел?

Вид твой молодецкий Вдруг с тебя слетел!

Краска полиняла, Цифр не разобрать, Красота пропала, Перестали брать!

Что с тобой случилось, Расскажи мой друг?

Хворь ли приключилась, Иль какой недуг?

Можно за лекарством В Наркомфин сходить.

Можно даже на дом Помощь пригласить.

„Не ходи напрасно,— Отвечал мне знак.—

Знаю я прекрасно— Н. К. Ф. мне враг!

Слышишь серебристый Тихий, нежный звон,

Шелест шелковистый, „Казначейских бон?“

С. Хухринов.

СВОЕВРЕМЕННО.

На статью, сданную в „Правду“ в ноябре месяце 1923 г., несмотря на обещания редакции в том или ином виде поместить ее в газете, на четвертом месяце читаю себе ответ:

„Т. ПОДОСЕНОВУ. Статья „Пора подтянуться“ не пойдет. Устарела“.....

Устарела! Эко дело! Как же ей не устареть?

Хорошо, хоть не успела В папках без следа сопреть...

В. Подосенов.

Ред. Н. И. Смирнов.

Изд. „Рабочей Газеты“.

Тираж. экз. 150000

3047

598

К Р О К О Д И Л

16 АПР 192
КНИЖНАЯ ПАЛАТА

БЕССАРАБСКАЯ ИДИЛЛИЯ.

Рис. А. Радакова.

ПУАНКАРЕ:—Посмотри, какой славный женишок! На струнах твоего сердца он будет играть, как на скрипке.

ПУАНКАРЕ:—Я говорил, что он большой артист. Он даже струнные инструменты превращает в ударные